

В. С. Мосин

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОК И ПОСЕЛЕНИЙ КАМЕННОГО ВЕКА УРАЛА*

Получение нового знания как главной цели науки достигается путем решения научных проблем на основе оригинальных для каждой отрасли знания научных подходов, принципов и специальных методов, отраженных в методологии научного исследования.

Методология рассматривает организацию деятельности — целенаправленной активности человека, — упорядочение ее в целостную систему с четко определенными характеристиками, логической структурой и процессом ее осуществления — временной структурой. Методологические установки направляют, ориентируют и позволяют контролировать деятельность ученого при решении каждой проблемы. По содержанию методологические установки — это система представлений об общих свойствах объекта изучения, о методах, применяемых при решении исследовательских задач, и о том, каким по форме должен быть результат исследования. В исторической науке, частью которой является археология, методология — это учение об организации научной деятельности, основанной на системе принятых ученым философских принципов и подходов, адаптированных к исторической науке, и направленной на реконструкцию исторических событий и построение исторической модели прошлого.¹

Основным подходом при исследовании поселений каменного века Урала является системный подход, выраженный в теории «опредмеченности», сформулированной В. Ф. Генингом для археологии на основе философской кате-

гории опредмечивание, в рамках общей теории предметно-практической деятельности человека.² С изменениями, внесенными автором настоящей работы, она может быть сформулирована следующим образом: опредмечивание социальных потребностей и жизнедеятельности как отдельного человека, так и социумов разных уровней, данное нам в артефактах, детерминировано спецификой системы жизнеобеспечения в конкретном окружающем ландшафте и этноисторическими традициями социума.

Предложенный подход реализуется согласно принципам объективности, детерминизма, историзма и содержит несколько ключевых моментов. Во-первых, прошлая действительность доступна нам в комплексах артефактов различной сохранности и представительности; во-вторых, эти комплексы являются продуктами системы жизнеобеспечения, основные составляющие которой — природные ресурсы обживаемой территории и применяемые технологии; в-третьих, характерные технологические цепочки и своеобразные детали в оформлении различных категорий артефактов являются основой традиций, определяющих этничность социумов.

На первом этапе исследования главной задачей является получение исторического источника, объективно отражающего изучаемую прошлую действительность. Это требует применения как специальнонаучных, так и общенаучных методов археологии. Для памятников эпохи камня, среди которых почти исключительно встречаются стоянки и поселения, прежде всего определяются такие характеристики, как стратиграфическая позиция культурного слоя, представительность, относительная и абсолютная хронология комплекса. Важным условием получения качественного источника является вскрытие площадки памятника открытого типа максимально широкой площадью.

В начале исследования представительность комплекса артефактов, получаемого при раскопках, можно оценить наблюдениями за

¹ См.: Генинг В. Ф. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев, 1989. 296 с.; Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М., 2007. 668 с.; Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Мельникова О. М. Методология современной отечественной археологии: стихия традиции или интуитивный поиск обоснованного выбора? // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 6–13.

Мосин Вадим Сергеевич — д.и.н., директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН (г. Челябинск)
E-mail: sud_arh@csc.ac.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 11-06-12010-офи-м-2011 «Экосоциальная адаптация и материальная культура в каменном веке Урала»

² См.: Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 22.; Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. С. 121; Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. Т. 1–4.

стратиграфией отложений, вмещающих культурный слой. При анализе стратиграфии памятника основное внимание необходимо сосредоточить на выявлении основания культурного слоя, что позволит изучить его изначальную структуру и выявить искусственные изменения поверхности древнего рельефа. Для стоянок и поселений эпохи палеолита основными элементами культурного слоя, зафиксированного *in situ*, принято считать собственно культурные остатки и так называемый заполнитель, который представляет собой переработанную органико-минералогическую смесь.³ Разрушение культурного слоя древнего поселения связано с изменениями вмещающих отложений, с размывом заполнителя и со сменой первоначального пространственного положения артефактов, а также с разрушением артефактов, изготовленных из органических материалов. В таких случаях необходим тафономический анализ, который имеет фундаментальное значение при обосновании гомогенности коллекций палеолитических памятников и степени сохранности культурного слоя.⁴

На палеолитических стоянках нарушения культурного слоя связаны с делювиальными и криогенными процессами — плоскостным смывом, солифлюкцией, морозным растрескиванием пород, аллювиальным переотложением и тектоническими деформациями. На участках проявления солифлюкции полностью уничтожается структура культурного слоя. Морозное растрескивание и тектонические деформации приводят к горизонтальным и вертикальным нарушениям культурных отложений. Явление вспучивания слоев наблюдается повсеместно в зоне развития многолетних или сезонных мерзлотных толщ. Движение кремней вверх по профилю объясняется эффектом вытаивания, когда накопившаяся под кремнями и костями влага, расширяясь при замерзании, медленно выдавливает их вверх. В итоге выше культурного слоя формируется рассеянное по вертикали «облако» находок, как правило, имеющих иную степень сохранности и залегающих хаотично.⁵

³ См.: Александрова М. В. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // Полевая археология древнекаменного века. КСИА. М., 1990. № 202. С. 4–8.

⁴ См.: Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: дис. ... д-ра ист. наук. Сыктывкар, 2009; Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2Д. Д. 665 (текст), 666 (альбом).

⁵ См.: Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение. Введение и основы. Новосибирск, 1994; Павлов П. Ю. Указ. соч.

Исследование пещерных стоянок имеет свои особенности. Вскрытие на них широких площадей затруднительно ввиду большой изменчивости литологии пещерных отложений, что требует их тщательного стратиграфического контроля.⁶ Поэтому раскопки пещерных стоянок, как правило, проводятся ограниченными площадями, при полной промывке отложений, содержащих культурный слой.

Региональные особенности существуют при контроле за состоянием культурного слоя на голоценовых памятниках каменного века, поскольку в равнинных регионах Предуралья и Зауралья культурный слой формировался преимущественно в песках, супесях и суглинках, подстилаемых также рыхлыми отложениями. В районе хребтов и на пенеплене культурные слои залегают в небольших по мощности подзолистых почвах, расположенных непосредственно на скальном основании. При первоначальном заселении какой-либо площадки человеческим коллективом вещи, которые использовались, а также остатки их изготовления и ремонта — отходы и заготовки — откладываются на дневной поверхности и на полах жилых и хозяйственных сооружений. Поскольку в процессе жизнедеятельности неизбежно начинает разрушаться дерновый покров, артефакты попадают в верхние слои рыхлых отложений, формируя культурный слой. Полы сооружений уплотняются, аккумуляция часть артефактов. После оставления поселения людьми и разрушения сооружений процесс почвообразования возобновляется. В почве происходит постоянное движение корневой системы трав, кустарников и деревьев. Мелкие, легкие артефакты, вовлеченные в это движение, «отрываются» от основного горизонта аккумуляции и поднимаются вверх, образуя картину рассеивания в вертикальном разрезе. Присущие почвенным слоям живые организмы — черви, жуки, землеройки — и более крупные животные, использующие норы, еще больше усугубляют процесс разрушения горизонта первоначального накопления артефактов, не только перемещая их вверх, но и опуская в подстилающие рыхлые материковые слои.

Подобная ситуация хорошо знакома всем, кто проводит полевые исследования не только

⁶ См.: Любин В. П. Стоянки в скальных убежищах: специфика и методика полевых исследований // Полевая археология древнекаменного века. С. 68–77.

на Урале.⁷ Еще более сложная картина складывается для культурных слоев стоянок и поселений, расположенных в горно-лесных районах и на пене плене. Здесь подзолистые почвы малой мощности подстилаются непосредственно скальным основанием, насквозь пронизаны корнями крупных деревьев и, помимо уже указанных процессов, в течение тысячелетий разрушались «выворотнями» падавших деревьев, наиболее ранние из которых совершенно не фиксируются в настоящее время.

Наиболее представительного комплекса можно добиться в процессе раскопок путем фиксации каждой находки в трех координатах с последующим построением трехмерной модели распределения артефактов в культурном слое, а затем и выделением среди всего массива находок комплекса с полов сооружений и с основного горизонта аккумуляции артефактов на межжилищном пространстве. Артефакты, находившиеся в дисперсном залегании по всей толще культурного слоя, можно будет привлечь для анализа в дальнейшем только после процедур верификации, в частности после обработки коллекции по методу «связей».⁸ Применение этого метода предоставляет возможность выделять участки культурного слоя, организованные особым образом, устанавливать объекты и жилые площадки, а также состав одновременного в рамках поселения комплекса артефактов.

Важной составляющей такого комплекса являются остатки жилых и хозяйственных построек. Наземные жилища, о существовании которых свидетельствуют отдельные столбовые ямки, остатки очагов (прокалы и зольники), точки — «рабочие места мастеров», закономерности распространения артефактов, мы иной раз просто не видим в силу ограниченности площади раскопок и несовершенства применяемых методик фиксации находок. При анализе остатков древних построек используются методы простого и формализованного описания.⁹ Подобный анализ позволяет

получить данные, которые в дальнейшем будут использованы при исторической реконструкции и моделировании системы жизнеобеспечения конкретного социума.

Следующим этапом верификации представительности комплекса артефактов является технологический анализ. Технология расщепления камня может быть использована в качестве одного из критериев определения принадлежности или всего массива находок, или же только определенной его части к остаткам жизнедеятельности изучаемого социума в рамках конкретного памятника. Традиционная, исторически сложившаяся совокупность технологических приемов и последовательность их применения составляют и определяют специфику конкретного социума. Эта специфика детерминирована поведенческими шаблонами и особенностями культурной трансмиссии технологий в данном социуме.¹⁰

При всеобщей стандартизации пластинчатых комплексов только устойчивые сочетания оригинальных орудий позволяют отличать одну традицию от другой. Технология изготовления орудий может передаваться от поколения к поколению только путем непосредственного обучения. У коллективов, не связанных между собой системой жизнеобеспечения, орудия неизбежно будут отличаться, поскольку в разных социумах формируются свои представления о форме, удобстве и функциональности того или иного орудия, что в конечном итоге приводит к оформлению традиции. Поскольку эта традиция связана с жизненно важной сферой, она очень устойчива и может существовать не одну сотню (или даже тысячу) лет.

С определением принадлежности того или иного комплекса изделий из камня к опреде-

⁷ См., напр.: Сорокин А. Н. Проблемы мезолитоведения. М., 2006. С. 7–20.

⁸ См.: Сериков Ю. Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1. С. 121–129.

⁹ См.: Алексашенко Н. А., Викторова В. Д., Панина С. Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 15–32. (ВАУ; вып. 17); Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья

и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 4–45; Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. С. 219–231; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Томск, 1994. Кн. 1–2; Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2006; Сидоров В. В. Реконструкции в первобытной археологии. М., 2009. С. 79–108; Еньшин Д. Н., Белоногов Д. А. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень 6) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2010. Вып. 1 (12). С. 39–48; Глушков И. Г. Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Экспериментальная археология. Тобольск, 1992. Вып. 2. С. 18–34.

¹⁰ См.: Корякова Л. Н., Молодин В. И. Культурная вариативность: старая проблема в новое время // III Северный археол. конгр. Докл. 8–13 ноября 2010. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010. С. 118.

ленной традиции непосредственно связано и применение типологического метода. В принципе, тип — это идеальная модель предмета и, по сути, является в определенной степени абстракцией (в том смысле, что когда, например, мы говорим «концевой скребок на пластине», то представляем себе обобщенный образ этого орудия, а не сотни его разновидностей). Вместе с тем неоднократно отмечалось, что если характерные детали формы орудий в процессе работы не играют роли, то они непосредственно связаны «только с определенными приемами выделки орудий, сложившимися в отдельных районах»,¹¹ т. е. опять же с традицией, присущей определенному социуму.

Помимо широко распространенных в археологии методов, при анализе каждого конкретного памятника необходимо применять менее распространенный геолого-археологический метод, при котором не только определяется состав кремнистых пород и минералов, которые население стоянки использовало для изготовления орудий, но и выявляется сырьевая база окружающей территории, а также моделируются пути и способы появления кремнистого сырья у изучаемого социума. Проведенные исследования в этом направлении позволяют совершенно по-новому взглянуть на некоторые классификационные схемы развития комплексов изделий из камня.¹²

Для памятников поздних (голоценовых) этапов каменного века — неолита и энеолита — еще одной составляющей комплекса артефактов является керамическая посуда. Для северных регионов Зауралья порой это наиболее представительная часть получаемых при раскопках коллекций. Для анализа керамики применяются технологический и типологический методы.

Керамическая посуда, которая на фоне предшествующих мезолитических индустрий является инновацией, в процессе вхождения в материальную культуру принимает на себя часть ранее существовавших изобразительных традиций конкретного социума. Керамика представляется наиболее очевидной и яркой чертой неолитического времени, и некоторые исследователи считают, что орнамент на посуде обладает «отборочной» ценностью и мо-

жет служить для определения идентичности социума.¹³ При этом необходимо иметь в виду, что керамическая посуда являлась прерогативой женской части социума. Принимая во внимание преимущественную распространенность вирилокальных браков и, как следствие, постоянное перемещение женщин между порой весьма отдаленными коллективами, нужно признать значительную вариативность керамических комплексов относительно стабильной традиции в изготовлении каменного инвентаря, передающейся по мужской линии.

Важнейшим на *первом этапе* исследований является определение абсолютного возраста комплекса артефактов. Для археологии каменного века доступными являются два наиболее разработанных метода абсолютного датирования — термолюминисцентный в модификации OSL и радиоуглеродный (конвенциональный и AMS). Предпочтительными считаются AMS датировки, так как образцы, используемые этим методом для определения возраста, значительно меньше по физическому объему образцов, используемых для конвенционального датирования, и, следовательно, менее подвержены загрязнению «молодым» углеродом. Для хронологической корреляции можно использовать две шкалы — радиоуглеродную и шкалу OSL. Поскольку эти методы основаны на различных физических принципах, использование двух шкал представляется оправданным. Калибровка радиоуглеродных дат в календарные для периода 40–30 тыс. лет считается бесполезной ввиду особенностей накопления C^{14} в атмосфере Земли, характерных для этого времени.¹⁴ Прорывом в абсолютной датировке памятников неолита и энеолита стала разработка метода определения радиоуглеродного возраста керамики.¹⁵ Применение этого метода позволило создать хронологическую шкалу для многочисленных комплексов неолита и энеолита Урало-Поволжского региона, ранее имевших только относительную хронологию.

Итак, скрупулезно проведя все процедуры, предусмотренные перечисленными выше методами, мы получаем представительный

¹³ См.: Корякова Л. Н., Молодин В. И. Указ. соч. С. 118.

¹⁴ См.: Природные условия плейстоцена и палеолитические стоянки на севере западного склона Уральских гор / Й. И. Свендсен, П. Ю. Павлов, Х. Хегген [и др.] // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики: материалы Междунар. конф. М., 2008. С. 79–97.

¹⁵ См.: Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. 2008. № 4. С. 64–66.

¹¹ Формозов А. А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. С. 15.

¹² См.: Мосин В. С., Никольский В. Ю. Кремль и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург, 2008.

комплекс артефактов, который отражает опредмеченные социальные потребности и определенную часть жизнедеятельности конкретного коллектива людей, обживавшего данное место в известный нам промежуток времени.

Второй этап исследований основан на применении общенаучных методов, таких как аналогия, синтез, индукция, реконструкция и моделирование.¹⁶ На этом этапе исследование может пойти по двум направлениям — классификационному и археолого-историческому.¹⁷ В классификационном направлении основным понятием выступает «археологическая культура». В научной литературе предложено немало определений этого понятия. В основном археологическая культура рассматривается как единство археологических памятников, расположенных на конкретной территории в определенный отрезок времени, выраженное в близком сходстве различных категорий артефактов (орудий труда, керамики), элементов архитектуры, погребального обряда и т. д.¹⁸ По сути, выделение археологической культуры — это создание фактологической базы археологии в систематизированном виде. Выделяя археологическую культуру, мы фиксируем пространственно-временную позицию в распространении артефактов со сходными признаками, и не более того. Следовательно, в этом понятии может отражаться знание только об остатках материальной культуры человеческих коллективов древности, но не об их социальном устройстве и истории.

Другим направлением является археолого-историческое, цель которого — изучение и моделирование процесса адаптации человеческих коллективов в определенный хронологический отрезок в конкретном окружающем ландшафте, т. е., собственно исследование истории общества. Среди основных задач этого направ-

ления можно выделить следующие: изучение внутренней структуры поселения как замкнуто-открытой системы; анализ палеогеографической среды осваиваемого ландшафта; исследование уровня развития технологий, способов реализации адаптивных стратегий; моделирование социальной структуры изучаемых человеческих коллективов. Для решения этих задач необходимо использование широкого спектра подходов и методов. Среди них — уже применяемые в российской археологии спорово-пыльцевые, остеологические и геохимические методы, направленные на реконструкцию палеоландшафта и палеоклимата, а также известные по работам зарубежных коллег подходы процессуальной археологии и отчасти археологии окружающей среды (*environmental archaeology*), направленные на моделирование структуры социумов и процессов их адаптации в окружающем ландшафте.¹⁹

В археолого-историческом направлении все получаемые данные рассматриваются как характеристики узлов, объединенных в социально-историческую систему. С точки зрения археологической составляющей такими узлами являются стоянки и поселения — места адаптации определенного социума в окружающем ландшафте. При изучении стоянок и поселений наиболее актуален контекстуальный подход,²⁰ при котором не только соблюдается индивидуальная фиксация каждого артефакта, но и подвергаются анализу причины попадания артефакта на место его нахождения и характер связи его со всей совокупностью артефактов поселения. Очень важным для изучения конкретного археологического памятника является комплексный подход, объединяющий уже указанный технологический и функционально-трассологический методы. Трассологическое исследование позволяет определить функции каждого отдельного орудия и хозяйственно-производственную направленность всего комплекса изделий из камня как основы системы жизнеобеспечения конкретного социума.²¹

¹⁶ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Мельникова О. М. Указ. соч. С. 6–13.

¹⁷ См.: Мосин В. С. Направления исследований в уральской археологии XXI века // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию ИИиА УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 106–108.

¹⁸ См.: Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3–10; Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 53–69; Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1972. № 2. С. 18–36; Ганжа А. И. Историография проблемы «археологической культуры» в отечественной науке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1988; Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 17; Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 391.

¹⁹ См.: Binford L. R. *An Archaeological Perspective*. N. Y., 1972; Clarke D. L. *Analytical Archaeology*. L., 1968; Evans J. G. *Environmental Archaeology and the Social Order*. L.; N. Y., 2004.

²⁰ См.: Renfrew C., Bahn P. *Archaeology. The Key Concepts*. L.; N. Y., 2005. P. 106–109.

²¹ См.: Семенов С. А. *Первобытная техника*. Л., 1957; Он же. *Развитие техники в каменном веке*. Л., 1968; Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. *Технология древнейших производств. Мезолит—энеолит*. Л., 1983; Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. *Методика макро-микроанализа древних орудий труда*. Ч. 1.

С точки зрения исторической составляющей эти узлы включают в себя социумы разного порядка — семью, общину, «родовую» структуру. В данном направлении, помимо привычных нам археологических понятий, возникает необходимость в понятиях, разработанных в этнологии (социальной антропологии), которые нужно адаптировать к археологической реальности. Для большинства исследователей, представляется очевидным, что ни одна из сохранившихся и изучавшихся этнологами социальных систем охотников, рыболовов, собирателей не может быть спроецирована в глубокую древность. Однако любое жизнеспособное, удовлетворяющее базовые материальные и духовные потребности людей общество с присваивающей экономикой показывает, какие формы социальной жизни в принципе возможны при таком способе жизнеобеспечения и какие формы социального взаимодействия безусловно необходимы для их функционирования. Определенная система жизнеобеспечения обуславливает некоторые типологические черты социальной жизни и даже духовной культуры. Их немного, и они поддаются лишь самому обобщенному формулированию, но мы с большой долей вероятности можем полагать, что подобные же черты имелись у древних охотников и собирателей и что они легли в основу фундамента последующих социальных структур.²²

Если это стоянка с остатками одной постройки (жилища), то подразумевается, что на этом месте определенное время (один сезон, несколько сезонов, много раз) проживал социум первого порядка — семья — или же функциональное объединение небольшой численности — целевая или хозяйственная группа. Площадь остатков жилых построек на стоянках Урала, в целом, составляет в среднем от 25 до 70 кв. м. Этнографические данные для оседлых охотников и рыболовов Сибири, Дальнего Востока и северо-запада Северной Америки показывают, что жилая площадь, приходящаяся на одного человека, составляет примерно от 3,5 до 8 кв. м.²³ Следовательно,

можно предполагать, что древние жилища были местом проживания семьи примерно из 5–10 человек.

Семья представляет собой первичную, минимальную, социальную ячейку, существование которой связывается в социальной антропологии с понятием «домашний уровень социальной организации», правда далеко не всегда термин «семья» имеет смысл, к которому мы привыкли. Она встречается во всех известных науке обществах. Основной среди форм семьи является «элементарная, или нуклеарная семья». Это муж, жена и дети, родные или приемные,²⁴ или, в другой формулировке, женщина, ее дети и муж, если он признает этих детей своими.²⁵ В уральской археологии каменного века поселение, обычно состоящее из 3–5 жилищ, привычно ассоциируется с понятием «община», предполагающей объединение нескольких семей. В социальной антропологии оно является менее разработанным и более спорным. В привычном для нас понимании община — это первичная локальная группа, объединяющая несколько родственных семей и, возможно, неродственных членов коллектива и имеющая целью хозяйственное освоение определенной территории.²⁶

Однако в языках большинства известных обществ с присваивающей экономикой термины, обозначающие общину как особое объединение людей, отсутствовали. Это во многом связано с непостоянством и большой текучестью состава этих групп, что свидетельствует о высокой адаптивности людей, составляющих такие общества. Любой член общества — один или с семьей — мог присоединиться к другой семье или группе семей, в которой у него найдутся родственники или свойственники, причем таких потенциальных вариантов всегда было несколько. Слова, которые исследователи традиционно связывали с понятием «община», обозначали либо стоянку или поселение, либо конкретную местность, либо людей, распола-

СПб., 1996; Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.

²² См.: Артемова О. Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009. С. 21, 170.

²³ См.: Бузин В. С. Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // СА. 1990. № 3. С. 32–43; Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 183; Хлобыстин Л. П. Проблемы социоло-

логии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 31; Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 220; Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Указ. соч. С. 4–45.

²⁴ См.: Мердок Дж. П. Социальная структура / пер. с англ. А. В. Коротаева. М., 2003. С. 106; Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 75–78.

²⁵ См.: Гиренко Н. М. Социология племени. Л., 1991. С. 161–164; Артемова О. Ю. Указ. соч. С. 342.

²⁶ См.: Кабо В. Р. Указ. соч. С. 258–263; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986; Гиренко Н. М. Указ. соч. С. 101–103.

гавшихся стоянками в конкретной местности. Вместе с тем в этих группах есть структурообразующее звено близких родственников, обладавших первостепенными правами на используемую территорию и оставшихся на этой территории большую часть жизни. В связи с этим предлагается заменить термин «община» на более адекватный — «резидентная группа».²⁷ На мой взгляд, немногие из современных российских археологов идентифицируют термин «община» с тем значением, которое это слово имело когда-то в русском обществе, поэтому данный термин в археологии, наверное, пока вполне допустимо использовать, наряду с предлагаемым «резидентная группа». Средний размер общины — «резидентной группы», живущей за счет охоты, собирательства и рыболовства, — составляет не более 50 человек.²⁸

К этому же уровню социальной организации относится так называемая «родовая» организация. В современной этнологии (социальной антропологии) русский термин «род», как, впрочем, и международные термины «клан», «линидж», «сиб», «рэmidж» и др., признается недостаточно релевантным и уже не удовлетворяет «потребностям» фактического материала. В настоящее время такие группы называют десцентными, т. е. в них происхождение индивидов прослеживается от их общих предков по линиям родства — мужским и женским. Первостепенное значение в пределах десцентной группы имеет передача тех или иных социальнозначимых прав (на землю, иные ресурсы, религиозные знания и реликвии и т. п.),²⁹ а также контроль за сохранением экзогамии и осуществление связи между поколениями в преемственности традиций, мифологии, обрядов и т. п.

Узлы, т. е., с точки зрения социальной составляющей, семьи и общины (резидентные группы), соединены между собой отношениями родства, свойства, обмена, общей мифологией, другими коммуникативными формами и образуют социальную систему (сеть), функционировавшую на определенном отрезке истории.

Такие социальные системы у археологов привычно ассоциируются с термином «племя», уже давно не употребляемым в среде ученых, изучающих общества охотников, ры-

боловов и собирателей. В языках обществ с соответствующим уровнем экономики отсутствуют слова, которые отражали бы представления о таком объединении людей, которое исследователи ранее определяли в качестве племени. Вместе с тем фактом является регулярное межгрупповое взаимодействие, обусловленное, во-первых, необходимостью экономической взаимопомощи и посещения одних и тех же оптимальных для хозяйствования сезонных мест; во-вторых, «путями» мифических героев, связывавших широкие группы людей общими культами с совместным/постоянным посещением сакральных центров, и, главное, обменом брачными партнерами в соответствии со сложным комплексом различных условий и экзогамных запретов. Эти взаимодействия имели свои особые направления и очертания и создавали специфические родственные «макроструктуры», действовавшие в пределах широких географических ареалов и основывавшиеся на локальных родственных «микроструктурах».³⁰

Применительно к уральской археологии такую социальную систему — социальную сеть, состоящую из узлов (семей и общин — «резидентных групп»), связанных между собой родством, свойством, мифологией, экономической взаимопомощью и осуществлявших свою жизнедеятельность в определенном вмещающем ландшафте, — предложено было называть «сообщинностью».³¹ Понимая всю непротиворечивость данного термина, в свете изложенного выше можно, наверное, согласиться с тем, что, в отсутствие более приемлемого, термин «сообщинность» может применяться в работе археологов. Границы таких социумов, т. е. их идентичность, определяются системой жизнеобеспечения в рамках вмещающих ландшафтов, своеобразной техникой и технологией, отраженной в специфических комплексах орудий, и сочетанием нескольких традиций, характерных для определенных десцентных линий и проявляющихся в системах орнаментации керамики. Например, для раннего неолита Урала можно обозначить такие социальные системы (сети) — сообщинности, как кошкинско-кокшаровско-юринская,

²⁷ См.: Артемова О. Ю. Указ. соч.

²⁷ См.: Артемова О. Ю. Указ. соч. С. 201–249, 470.

²⁸ См.: Мердок Дж. П. Указ. соч. С. 106–108; Кабо В. Р. Указ. соч. С. 245.

²⁹ См.: Тишков В. А. Указ. соч. С. 76.

³⁰ См.: Артемова О. Ю. Указ. соч.
³¹ См.: Мосин В. С. Социально-адаптационная система Урало-Сибирской лесостепи в конце каменного века // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 7–19; Он же. Центральный Урал в IV–III тыс. до н. э. // ВАН. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 159–174.

елшанская; для позднего неолита — полуденско-боборыкинскую, камскую и средневожско-волго-уральскую, сосуществовавшие в определенных промежутки времени в различных вмещающих ландшафтах Предуралья и Зауралья. Приведенные названия нужно признать весьма условными, поскольку они отражают в основном типологически выделенные традиции в орнаментации посуды, а каждая из этих традиций существовала около тысячи лет. Более того, по современной радиоуглеродной хронологии, например, около 5800 лет назад в Зауралье сосуществовали сразу несколько традиций (кошкинская, козловская, полуденская, боборыкинская), которые в археологической классификации относятся к различным периодам неолита. С другой стороны, возможно, именно эти факты являются свидетельством единства в рамках сообщинностей.

Именно в таких пределах сохраняются стабильные технологические и типологические традиции в изготовлении каменного инвентаря и определенные наборы керамических сосудов, разнообразных в единстве комплексов на каждом поселении в силу текучести состава «резидентных групп» и широты социальных связей. Только в этих пределах и можно определить этничность социумов.³²

Изучать такую систему мы можем с позиций синхронии и диахронии. Идеальным является анализ материалов синхронного среза

всех стоянок и поселений, существовавших на конкретной территории, что позволило бы в достаточно полной мере (в археологическом понимании полноты) смоделировать историческую ситуацию и, возможно, участвовавшие в этом социальные структуры. Однако современный уровень развития археологии в части исследованности территорий, полностью раскопанных поселений и точности датирования не предоставляет такой возможности. На сегодняшний день единственно возможным методом анализа археологических материалов является диахронный, когда рассматриваются отдельные отрезки времени, периоды жизни разных по природе объектов как целые и большие конечные блоки, кластеры событий и состояний, когда сопоставление материалов стоянок и поселений осуществляется, образно говоря, по ступенчатой кривой, рассекающей временную толщу всего пространственного исторического блока (например, раннего неолита), поскольку каждая традиция, например, в неолите существовала около тысячи лет. Поэтому моделировать историческую ситуацию возможно или для отдельного узла, или для всей системы, учитывая ее пространственно-хронологическую протяженность. Предполагаемым результатом будет модель картины жизни как отдельного социума в рамках поселения, так и социально-исторической системы в целом.

Ключевые слова: *методология, Урал, каменный век, методы, принципы и подходы, археологический источник, социумы*

Vadim S. Mosin

Doctor of Historical Sciences, South Ural Department of Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: sud_arh@csc.ac.ru

METHODOLOGY OF STUDY OF SITES AND SETTLEMENTS OF THE STONE AGE IN THE URALS

Methodology is one of the basics in academic research. The adequately selected approaches, principles and study techniques yield relevant scientific results. At the first stage of investigation the main objective is obtaining of a historical source objectively reflecting the investigated past environment based on the use of both special-purpose and discipline-specific methods of archaeological study. The second stage is based on the use of general research methodology and techniques, at this stage the study may follow one of two patterns – the classification or the archaeological-historical one. From the archaeological-historical position all obtained data are treated as the characteristics of the elements making up a social-historical system. From the point of view of the archaeological component such basic elements are sites and settlements, as places of adaptation of a particular society to the surrounding landscape. The purpose of the method is obtaining a model of the life pattern of both an individual community within a given settlement, and the social and historical system in general.

³² См.: Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. М., 2006. С. 9–48; Тишков В. А. Указ. соч. С. 114–117.

Key words: *methodology, Urals Mountains, the Stone Age, methods, principles and approaches, archaeological source, societies*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Aleksandrova M. V. *Polevaya arkheologiya drevnekamennogo veka: sb. nauch. tr.* (Field of Stone Age archaeology: collected papers). Moscow: Nauka, 1990, № 202, pp. 4–8. (in Russ.).
- Aleksashenko N. A., Viktorova V. D., Panina S. N. *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri: sb. nauch. tr.* (The ancient settlement of the Urals and Western Siberia: collected papers). Sverdlovsk: UrGU, 1984, pp. 15–32. (in Russ.).
- Artemova O. Yu. Moscow: Smysl, 2009, 560 p. (in Russ.).
- Bart F. *Etnicheskie gruppy i sotsialnye granitsy* (Ethnic groups and social boundaries). Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006, pp. 9–48. (in Russ.).
- Binford L. R. New York: Seminar Press, 1972, 373 p. (in English).
- Borzunov V. A., Kiryushin Yu. F., Matyushchenko V. I. *Pamyatniki drevney kultury Urala i Zapadnoy Sibiri: sb. nauch. tr.* (Ancient sites of the Urals and Western Siberia: collected papers). Ekaterinburg: UrGU, 1993, pp. 4–45. (in Russ.).
- Buzin V. S. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet Archaeology), 1990, № 3, pp. 32–43. (in Russ.).
- Clarke D. L. L.: Methuen, 1968, 684 p. (in English).
- Derevyanko A. P., Markin S. V., Vasilev S. A. Novosibirsk: Nauka, 1994, 287 p. (in Russ.).
- Evans J. G. L.; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2004, 279 p. (in English).
- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (Encyclopedic Dictionary of Philosophy). Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1983, 840 p. (in Russ.).
- Formozov A. A. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959, 124 p. (in Russ.).
- Ganzha A. I. *Istoriografiya problemy “arkheologicheskoy kultury” v otechestvennoy nauke): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* (The historiography of the problem of “archaeological culture” in domestic science): summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences). Kazan, 1988. 18 p. (in Russ.).
- Gening V. F. Kiev: Naukova dumka, 1989, 296 p. (in Russ.).
- Girenko N. M. Leningrad: Nauka, 1991, 303 p. (in Russ.).
- Glushkov I. G. *Eksperimentalnaya arkheologiya: sb. nauch. tr.* (Experimental archaeology: collected papers). Tobolsk, 1992, Issue 2, pp. 18–34. (in Russ.).
- Gusentsova T. M. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo un-ta, 1993, 240 p. (in Russ.).
- Istoriya pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoy rodovoy obshchiny* (Prehistory. The era of primitive tribal community). Moscow: Nauka, 1986, 574 p. (in Russ.).
- Kabo V. R. Moscow: Nauka, 1986, 302 p. (in Russ.).
- Kamenetskiy I. S. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet Archaeology), 1972, № 2, pp. 18–36. (in Russ.).
- Khlobystin L. P. *Okhotniki, sobirатели, rybolovy: sb. nauch. tr.* (Hunters, gatherers, fishermen: collected papers). Leningrad: Nauka, 1972, pp. 26–42. (in Russ.).
- Kleyn L. S. Leningrad: Leningradskoe nauchno-issledovatel'skoe arkheologicheskoe obedinenie, 1991, 448 p. (in Russ.).
- Korobkova G. F., Shchelinskiy V. Ye. St. Petersburg: IIMK RAN, 1996, 79 p. (in Russ.).
- Koryakova L. N., Molodin V. I. *III Severnyy arkheologicheskiy kongress. Doklady* (III Northern Archaeological Congress. Reports). Khanty-Mansiysk; Ekaterinburg: ID “IzdatNaukaServis”, 2010, pp. 110–141. (in Russ.).
- Lyubin V. P. *Polevaya arkheologiya drevnekamennogo veka: sb. nauch. tr.* (Field of Stone Age archaeology: collected papers). Moscow: Nauka, 1990, № 202, pp. 68–77. (in Russ.).

- Marks K., Engels F. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, Vol. 42, 1974, 514 p. (in Russ.).
- Masson V. M. Leningrad: Nauka, 1989, 275 p. (in Russ.).
- Melnikova O. M. *Voprosy arkheologii Urala: sb. nauch. tr.* (Problems of archaeology of the Urals: collected papers). Ekaterinburg; Surgut: Izd-vo "Magellan", Issue 25, 2008, pp. 6–13. (in Russ.).
- Merdok Dzh. P. Moscow: OGI, 2003, 608 p. (in Russ.).
- Mongayt A. L. *Narody Azii i Afriki* (The peoples of Asia and Africa), 1967, № 1, pp. 53–69. (in Russ.).
- Mosin V. S. *Kulturno-ekologicheskie oblasti: vzaimodeystvie traditsiy i kulturogenez: sb. nauch. tr.* (Cultural and ecological areas: the interaction of tradition and cultural genesis: collected papers). St. Petersburg: IIMK RAN, Sankt-Peterburgskiy gos. un-t, 2007, pp. 7–19. (in Russ.).
- Mosin V. S. *Rossiya mezhdu proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsionalnogo razvitiya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu IiA UrO RAN* (Russia between past and future: the historical experience of national development: proceedings of the Scientific conference dedicated to the 20th anniversary of IiA of the UB RAS). Ekaterinburg: UrO RAN, 2008, pp. 106–108. (in Russ.).
- Mosin V. S. *Voprosy arkheologii Urala: sb. nauch. tr.* (Problems of archaeology of the Urals: collected papers). Ekaterinburg; Surgut: Izd-vo "Magellan", Issue 25, 2008, pp. 159–174. (in Russ.).
- Mosin V. S., Nikolskiy V. Yu. Ekaterinburg: UrO RAN, 2008, 196 p. (in Russ.).
- Novaya filosofskaya entsiklopediya* (New Encyclopedia of Philosophy). 2-ed. Moscow: Mysl, 2010, Vol. 1, 744 p.; Vol. 2, 634 p.; Vol. 3, 692 p.; Vol. 4, 736 p. (in Russ.).
- Novikov A. M., Novikov D. A. Moscow: Sinteg, 2007, 668 p. (in Russ.).
- Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoy Sibiri: sb. nauch. tr.* (Essays culturogenesis peoples of Western Siberia: collected papers). Tomsk: Izd-vo TGU, Vol. 1, 1994, Book 1, 490 p., Book 2, 287 p. (in Russ.).
- Poplevko G. N. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2007, 388 p. (in Russ.).
- Poselenie Bystryy Kulegan 66: Pamyatnik epokhi neolita Surgutskogo Priobya* (Settlement Bystryy Kulegan 66: Neolithic site Surgut Ob). Ekaterinburg; Surgut: Ural. izd-vo, 2006, 192 p. (in Russ.).
- Renfrew C., Bahn P. L.; New York: Routledge, Taylor&Fnnndi Croup, 2005, 233 p. (in English).
- Semenov S. A. Leningrad: Nauka, 1957, 240 p. (in Russ.).
- Semenov S. A. Leningrad: Nauka, 1968, 362 p. (in Russ.).
- Semenov S. A., Korobkova G. F. Leningrad: Nauka, 1983, 256 p. (in Russ.).
- Serikov Yu. B. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet archaeology), 1983, № 1, pp. 121–129. (in Russ.).
- Sidorov V. V. Moscow: In-t arkheologii RAN: TAUS, 2009, 216 p. (in Russ.).
- Smirnov A. P. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet Archaeology), 1964, № 4, pp. 3–10. (in Russ.).
- Sorokin A. N. Moscow, 2006, 216 p. (in Russ.).
- Starkov V. F. Moscow: Nauka, 1980, 220 p. (in Russ.).
- Svendsen Y. I., Pavlov P. Yu., Kheggen Kh., Mangerud Ya., Khuftkhammer A-K., Robruks V. *Put na Sever. Okruzhayushchaya sreda i samye rannye obitateli Arktiki i subarktiki: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* (Road to the north. Environment and the earliest inhabitants of the Arctic and Subarctic: proceedings of the International conference). Moscow: Institut geografii RAN, 2008, pp. 79–97. (in Russ.).
- Tishkov V. A. Moscow: Nauka, 2003, 544 p. (in Russ.).
- Vybornov A. A., Kovalyukh N. N., Skripkin V. V. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian Archaeology), 2008, № 4, pp. 64–71. (in Russ.).
- Yenshin D. N., Belonogov D. A. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography), 2010, № 1 (12), pp. 39–48. (in Russ.).